

* * *

на льду замерзшего моря сидят рыбаки
делают окна в холодной стеклянной воде
каждый ловец в черную куртку одет
и обут в высокие сапоги

скоро начнет смеркаться может будет метель
у кита за пазухой всякого ожидай
но держащий удочку – это почти джедай
способный хотя бы зимой ходить по воде

* * *

Не ходи на мою пасеку, там дикие пчелы,
и вместо меда у них только деготь черный.
Что не улей, то злая матка,
готовая к схватке,
привычная к схваткам.

Их тигровые шкуры слишком смелы для наших пейзажей.
Не ходи к ним. Они не дадут тебе меда и даже
не позволят взглянуть на себя, оставаясь мифом.
Находи другие пути, пролетай мимо.

Что у них на уме – мне самой до конца не понятно.
Тут умей не умей – никогда не вернешься обратно.
Разлинованы дни, опоясаны смертью и чудом,
где прощен будет каждый, и даже предатель Иуда.

Как спастись и не сделаться жертвой при этом – кто знает?
Над заброшенной пасекой дикие пчелы летают.

Осенняя соната

То, что вслух не сказать, на качелях уносится прочь.
Одинокая мать. Рядом с ней – одинокая дочь.

По опавшей листве – каблуки, как по ткани игла.
Режет горло портвейн, раз уж горло нежнее стекла.

Будут яблоки бить по перилам и лодка скрипеть.
Этот миг, чтоб любить и прощать, понимать и терпеть.

А потом – чемодан, перехваченный с разных сторон.
Чтоб уже навсегда – старый сад, пианино, перрон.

* * *

С весны пустует лавка у ворот,
бурьяном зарастает огород,
почтовый ящик стал мышиним домом.
Пускай живут хотя бы грызуны,
раз остальное превратилось в сны
и даже в горле не застряло комом.

Кресты и звезды, белки и дрозды,
наивные бумажные цветы,
овалы черно-белых фотографий.
В последний переезд – без багажа.
Всего и пригодилась бы душа,
но полностью исчерпан этот трафик.

Кто думал, что успеет, опоздал.
Стоит теперь у старого моста,
не смея ухватиться за перила.
Волнообразно небо над плечом,
и время оказаться ни при чем,
замешкавшись немного, наступило.